

Качество жизни и человеческий потенциал территорий

УДК 316.64

ББК 60.028.13+60.54-44

© Устинова К.А., Попов А.В.

МЕНТАЛЬНОСТЬ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА¹

УСТИНОВА КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru

ПОПОВ АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ai.popov@yahoo.com

В статье актуализируются вопросы изучения ментальности русского народа, ее трансформации в условиях социально-экономических преобразований. Выбор тематики исследования обусловлен необходимостью активизации модернизационных процессов в региональном сообществе, немаловажную роль в которой играют социокультурные факторы, в частности, ментальность населения. Движущей силой модернизации выступает человек, а именно определенные группы людей, склонных к изменениям, которым присущи характеристики, способствующие продвижению новых идей. В связи с этим целью статьи является изучение ментальности русского населения и ее взаимосвязи с модернизацией регионального сообщества. Особое внимание в работе уделено выявлению различий между поколениями, обусловленных трансформацией ментальных структур, «ядром» которых являются ценности. Информационную базу исследования составили данные социологического опроса, проведенного в 2016 году Институтом социально-экономического развития территорий РАН в Северо-Западном федеральном округе. Проведенный анализ показал, что традиционные черты русской ментальности (ориентация на построение счастливой и дружной семьи, забота о здоровье, доброта, ще-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 16-18-00078 «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества».

дрость, простодушие и т. д.) сохраняются на межпоколенческом уровне. Трансформационные процессы ментального пространства в большей степени затронули представителей молодого поколения. В молодежной среде происходит девальвация трудовых ценностей, а общественные интересы замещаются личными, что выражается в противоречивости воззрений. Для формирования ценностного портрета русского человека авторами был применен математический инструментарий в виде факторного и кластерного анализа. На первом этапе были выявлены четыре фактора («стремление жить идеалами, чувствами», «эгоизм», «правовой нигилизм», «инертность»), отражающие ценностные основания отношения к жизни россиян. На втором этапе были выделены группы населения («анархо-индивидуалисты», «ограниченные альтруисты», «разумные эгоисты»), сочетающие в себе те или иные ментальные особенности. Определено, что каждая из обозначенных категорий в разной степени готова к модернизационным преобразованиям. В заключение авторы приходят к выводу о необходимости дальнейшего более глубокого изучения ментальных барьеров, препятствующих активизации процессов модернизации регионального сообщества.

Ментальность, русское население, модернизация, ценности, архетипы, ментальные барьеры, региональное сообщество.

В научной литературе ментальность принято рассматривать не с позиций некоторой «константы», присущей тому или иному народу, а как характеристику, подверженную трансформации. Подобные изменения выступают как объективный процесс, поскольку, с одной стороны, постоянно меняются условия внешней среды (в экономическом, социальном, идеологическом плане) и обществу необходимо адаптироваться к преобразованиям, с другой стороны, в самой структуре ментальности наряду с частью сознания, наиболее устойчивой к внешним воздействиям и сформированной под влиянием природно-климатических, религиозных, географических факторов, выделяют так называемый социоситуативный уровень, наиболее подверженный изменениям.

«Ядро» российской ментальности сформировалось под воздействием географических особенностей и природно-климатических факторов, которые повлияли на становление общинного образа жизни, преобладание коллективного над индивидуальным, что отразилось в сознании в значимости общего дела и соборности, а реализация идей православия способствовала служению высоким идеалам,

душевности и заботе о близких, стойкости к лишениям и терпению, наличию сильной тяги к справедливости, поддержанию социального порядка и стабильности. Однако наряду с этим формировались и «слабые» ментальные черты русского народа, к числу которых относят низкую самодисциплину, неспособность к самоорганизации без принуждения и подчинения, правовой нигилизм, патернализм и «подданническую» культуру [6, с. 56-58].

Как было показано выше, наряду с неизменчивостью некоторых ментальных черт, происходят и трансформации в ментальном пространстве. При этом считается, что в условиях социальной стабильности они минимальны, и, напротив, в кризисный период социально-экономического развития они наиболее проявлены и заметны. Таковым в России стал период с конца XX до начала XXI века. Он характеризуется с позиции не только экономических преобразований и трансформации социальных институтов, но и эволюции ментальности [13]. Отметим, что начиная с 1980-х гг. в общественном сознании стали происходить существенные изменения, связанные с переходом от феномена «советского человека» к «россиянину», или, по-другому, от «совет-

ского» к «постсоветскому» типу ментальности. Этот процесс сопровождался преобразованиями общественного сознания в сторону учета ценностей правового государства и рыночно ориентированной экономики. Следствием этого стало появление наряду с традиционными компонентами ментальности таких характеристик, как приоритетность индивидуальных прав и свобод над коллективными, личностная и профессиональная мобильность, креативность, толерантность, способность к принятию нестандартных решений [7].

Изменение социально-экономических условий развития отчасти привело к усилению неоднородности в обществе по экономическому статусу, по мировоззрению, установкам, что может, с одной стороны, сопровождаться рассогласованиями между социальными группами, с другой, исходя из «принципа необходимого разнообразия» У.Р. Эшби, создавать возможности для преобразований [10]. Соответственно ментальность может выступать не только в качестве сдерживающего фактора экономического, политического и духовного развития общества, но и как «движущая сила» преобразований [4, с. 53; 25, с. 134]. Это обстоятельство приводит к необходимости внесения корректив при осуществлении преобразований в направлении большего учета особенностей российского народа, его ментальных черт. Последнее следует выделить особо, поскольку ни один модернизационный процесс не является «культурно нейтральным». По утверждению известного философа А.С. Панарина [9], инновации имеют глубинную социокультурную основу. Опыт проводимых в последние десятилетия российских реформ свидетельствует о том, что многие негативные их последствия, в частности, социальные недовольства, протестные настроения населения, возникали в связи с игнорированием их идеологической, социокультурной обеспеченности.

Наряду с практической значимостью исследования ментальности, ее трансформации и влияния на модернизационные процессы следует отметить и научную. В частности, следует подчеркнуть, что в последние годы стало появляться все больше работ, в которых приводятся аргументы в пользу связи доминирующей в обществе когнитивной модели с типом сформированной в нем экономики [27; 28]. Среди примеров исследования влияния отдельных компонентов ментальности, например, доверия, можно привести ряд зарубежных работ, в которых представлены результаты оценки влияния институтов на межличностное доверие, а также положительной связи доверия с экономическим ростом [24; 26].

Следует отметить, что исследование ментальности не ограничивается только изучением ее компонентов, важным является анализ трансформации ментальных структур. В науке существует опыт подобных разработок. В частности в исследованиях 90-х гг. XX в. (М.И. Воловикова, И.А. Джидарьян, В.В. Знаков и др.) поднимаются вопросы, связанные с преобразованием социальных представлений, ценностей, идентичности, обращается внимание на трансформацию ментальности и в целом, и отдельных ее составляющих (социальных установок, ценностей, особенностей поведения и др.). А в некоторых работах (Ф. Броделя, Ф. Грауса, Ж. Дюби, Л. Леви-Брюля) акцент сделан на мышлении, на характере жителей городов и сел, посредством изучения которых демонстрируются изменения в ментальном пространстве [12, с. 74]. Несмотря на теоретический и практический интерес к проблеме трансформации ментальности, она до сих пор остается недостаточно изученной.

Одним из аспектов, который рассматривается, когда речь идет о трансформации ментальности, является смена поколений.

Проблема преемственности поколений приобретает актуальность в связи с глобальными изменениями в мире и стране и исследуется в контексте социализации личности (Н.А. Логинова, Г.Л. Смирнов, Г.В. Папаян, И.С. Кон, А.В. Толстых, Ю.В. Клочко), влияния разных поколений друг на друга (А.И. Афанасьева, Л.Н. Коган, Ю.А. Левада, Т. Шанин). Анализ ментальности в межпоколенческом разрезе может быть обусловлен, с одной стороны, необходимостью более углубленного изучения структуры общества и динамики социальных изменений, с другой – выявлением причин трансформации ментальности с целью разрешения проблемы «конфликта поколений» [14].

Тем самым, следует принимать во внимание существование значительных различий между поколениями, связанных с противоречивостью развития и трансформацией ментальности (Д.И. Фельдштейн). Особенно эти вопросы обостряются в переломные периоды развития общества (А. Инглхарт, Ю.А. Левада, И. Ноелле-Нойманн), когда происходит переоценка старых и формирование новых ценностей в связи с изменениями социальной, общественной, политической, экономической, культурной обстановки [11]. Во время кардинальных перемен и в целом фактически на любом этапе социально-экономического развития ключевую роль играет молодое поколение, поскольку его, в большинстве своем, отличают активность и высокая восприимчивость к новому. В связи с этим значимым является исследование ментального пространства молодежи. При этом следует учитывать, что оно существует не изолированно, а интегрировано в общее ментальное пространство общества и влияет как на его динамику, так и на формирование новых видов идентичности [5].

Одним из проблемных вопросов, который поднимался отечественными и зарубежными учеными, является опре-

деление границ поколения. Например, поколение рассматривается как «группа, одного года рождения, пережившая значительные события в жизни, выпадающие на критические стадии ее развития» (Б.Р. Каппершмидт). В отечественных исследованиях присутствуют разные трактовки поколения: с позиции жизненного этапа или исторического периода, с позиции звена в генеалогической цепи, а также социально-возрастной когорты. Наряду с многообразием подходов и критериев отнесения населения к тому или иному поколению, в большинстве случаев, исследования основываются на изучении социально-психологических характеристик индивидов, особенностях ценностной сферы, социальных установках и стратегиях поведения, отношении к жизни, восприимчивости других поколений [18].

Таким образом, в статье предпринята попытка проанализировать ментальность русского населения в контексте модернизации регионального сообщества. Особое внимание уделено выявлению различий между поколениями, обусловленных трансформацией ментальных структур. Для этого в работе рассматриваются 3 возрастных группы: молодежь (от 18 до 29 лет), люди среднего возраста (от 30 до 54 (59) лет) и пожилые граждане (от 55 (60) и старше). Несмотря на то что подобное разделение во многом обусловлено спецификой проведенного социологического опроса, используемого в исследовании², оно соотносится с теорией поколений У. Штрауса и Н. Хоува, адапти-

² Социологический опрос совершеннолетнего населения Северо-Западного федерального округа был проведен в 2016 году Институтом социально-экономического развития территорий РАН. Анкетирование проходило в Вологодской, Мурманской, Калининградской и Новгородской областях, а также в республике Карелия. Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Объем выборки составляет 3101 человек, ошибка выборки не превышает 5%.

рованной под российские условия: «беби-бумеры» (1943–1963 гг.), «поколение X» (1963 – 1984 гг.), «поколение Y» (1985–2003) [21]. Это позволило более системно подойти к вопросу ментальных различий между поколениями. При этом следует оговориться, что в работе мы используем не реальные (совокупность людей, родившихся в один временной промежуток), а условные поколения (совокупность людей разного возраста, но живущих в одно и то же время).

Изучение научно-исследовательской литературы позволяет сделать вывод о многообразии подходов к определению ментальности, а также структурных компонентов, входящих в ее состав. Можно

привести ряд примеров, иллюстрирующих различия в толковании ментальности (табл. 1).

Обобщение формулировок позволяет сделать вывод о широте различий в «трактовах» – от социального мышления и ценностных ориентаций до национального характера. Вместе с тем можно выделить и общие составляющие, содержащиеся во многих определениях и раскрывающие сущность ментальности, среди них образ мышления (склад ума), способ видения мира, система ценностей, особенности психической жизни, регулятор нормативного отношения к миру, модель поведения, принадлежность к определенной общности по социальному

Таблица 1. Примеры определения понятия «ментальность»

Автор	Определение ментальности
Б.С. Гершуский, И.В. Groшев, И.Г. Дубов, В.А. Сонин, Т.Г. Стефаненко	Ментальность – нечто общее для всех людей данной группы, связывающее их и отличающее от представителей других групп.
Т.В. Иванова	Ментальность – это выражение группового сознания в историческом времени и географическом пространстве.
Ж. Дюби	Ментальность – система образов и представлений, различная у разных социальных групп и страт, которой они руководствуются в своем поведении и в которой выражено их представление о мире в целом и об их собственном месте в этом мире.
А.В. Метелев	Ментальность – система надындивидуальных, устойчивых, преемственных и неосознаваемых предпосылок, представлений, образов и образцов мышления, которые стоят за многочисленными культурными явлениями и фактами, но вместе с тем проявляются в особенностях мышления и поведения.
Л.А. Микешина	Ментальность – неосознанные представления, верования, ценности, традиции, модели поведения и деятельности различных этнических и социальных групп, слоев, классов общества, над которыми надстраиваются теоретические и идеологические системы.
Н.Ф. Алиференко	Ментальность – совокупность типичных проявлений в категориях родного языка своеобразного (сознательного и бессознательного) восприятия внешнего и внутреннего мира, специфическое проявление национального характера, интеллектуальных, духовных и волевых качеств того или иного культурно-языкового сообщества.
Н.Ф. Калина, Е.В. Черный, А.Д. Шоркин	Ментальность – процесс «вторичной перекодировки» картины мира с помощью знаковых систем, способ реализации модели мира в различных семиотических воплощениях, которые образуют универсальную систему.
А.Я. Гуревич, Д.В. Оборина	Ментальность – принятые в конкретном сообществе способы реагирования на окружающую действительность определенным образом, или «групповые поведенческие стереотипы».
Источники: Groшев И. В. Экономические реформы России через призму русской ментальности // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 6. – С. 25–46; Дубов И. Г. Феномен ментальности: психологический анализ // Вопросы психологии. – 1993. – № 5. – С. 20–29; Иванова Т. В. Ментальность, культура, искусство // Общественные науки и современность. – 2002. – № 6. – С. 168–177; Жорж Дюби Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей. Человек в истории. – М., 1991. – С. 48–59; Метелев А. В. Ментальный аспект культурного синтеза в западноевропейском раннем средневековье (на примере Франкского государства) // Философские дескрипты. Вып.2. Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2002. – С. 145–148; Микешина Л. А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования : учеб. пособие. – М. : Прогресс-Традиция ; МПСИ: Флинта, 2005. – 464 с.; Алиференко Н. Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова : монография. – Волгоград : Перемена, 2006. – 228 с.; Калина Н. Ф., Черный Е. В., Шоркин А. Д. Лики ментальности и поле политики. – Киев : Агропромиздат Украины, 1999. – 183 с.; Гуревич А. Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. Вып. 1. – М., 1989. – С. 75–89.	

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос
«Выберите наиболее важные для Вас жизненные ценности»*, %

Вариант ответа	Возраст, лет						Среднее
	18–29	Ранг	30–54 (59)	Ранг	55 (60) и старше	Ранг	
Счастливая и дружная семья	75,8	1	79,3	1	81,6	2	79,3
Здоровье	65,7	2	74,0	2	85,7	1	75,7
Материнство/отцовство	33,0	4	41,2	3	42,4	3	39,8
Работа, карьера	42,6	3	36,8	4	10,9	5	30,2
Любимая профессия	18,8	6	17,0	5	10,8	6	15,5
Ответственность, исполнительность	6,7	9	8,9	6	11,0	4	9,1
Образование	19,6	5	6,0	7	4,9	7	8,5
Предприимчивость	7,1	8	5,4	8	3,2	9	5,1
Общественное признание	7,4	7	4,0	9	4,4	8	4,9

*Ранжировано по убыванию важности жизненных ценностей, по возрастной группе 18–29 лет.

или национальному признаку. В исследовании акцентируется внимание на таких составляющих ментальности как ценности и архетипы.

Первые из названных выше составляют своего рода «ядро». С учетом происходящих социально-экономических трансформаций общества интересен аспект, связанный с тем, как эти изменения отразились на разных поколениях и насколько глубоки межпоколенческие различия в ценностях. Полученные результаты социологического исследования свидетельствуют о том, что как у молодых людей, так и у населения средних возрастов центральное место среди ценностных ориентиров отводится построению счастливой и дружной семьи и здоровью (табл. 2). Это те ценности, которые консолидируют российское общество на межпоколенческом уровне.

Вместе с тем, несмотря на некоторую преемственность ценностных ориентаций, наблюдается и ряд расхождений. Так, молодые люди выше, чем остальные, оценивают значимость карьеры и получения образования, в то время как профессиональному призванию, а также ответственности и исполнительности уделяют меньшее внимание. Несколько настораживает тот факт, что у молодежи так же, как и у представителей других возрастных групп, в рейтинге жизненных ценностей последние позиции занимают

предприимчивость и общественное признание. Это может быть следствием невысокой общественной и предпринимательской активности, развитие которой так необходимо в условиях перехода общества к инновационной экономике.

Интересны в рамках проводимого исследования данные ФОМа³, иллюстрирующие, какие особенности и ценностные ориентиры в отношении молодого поколения выделяют остальные. В связи с этим следует подчеркнуть, что приведенные выше результаты по самооценке молодежью жизненных ценностей несколько расходятся с тем, какие жизненные цели считаются в обществе характерными для молодых людей. Так, практически каждый пятый в качестве жизненных целей называл работу, профессиональное совершенствование и карьеру, чуть меньше (16%) было тех, кто обращал внимание на получение образования и востребованной профессии, а также на богатство и материальное благополучие. Лишь около 5% акцентировали внимание на создании семьи, еще меньше – на саморазвитии и самореализации [8].

³ ФОМнибус – репрезентативный опрос населения от 18 лет и старше. В опросе участвовали 1500 респондентов – жители 100 городских и сельских населенных пунктов в 43 субъектах РФ. Интервью в режиме face-to-face проходили по месту жительства респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. Данные за сентябрь 2014 года.

Однако, даже несмотря на такое восприятие жизненных целей молодежи со стороны остального населения, в частности, на приоритет работы и карьеры, несколькостораживает отношение молодых людей к труду по сравнению с остальным населением. По данным экспертного опроса, проведенного Центром научной политической мысли и идеологии (С.С. Сулакшин, Н.А. Хвыля-Олинтер) с использованием шкал, отражающих степень предпочтения ценностей и их антиподов, выявлено, что примерно 30% молодых людей придерживаются позиции, что «человек не обязан зарабатывать на жизнь трудом, а может жить за счет ренты (доходы от сдачи внаем недвижимости, процента с капитала и пр.)», среди населения в целом таких 20% [20].

Из проведенного предварительного анализа можно сделать по крайней мере два обобщения: во-первых, по большинству позиций рейтинги жизненных ценностей молодежи, среднего и старшего поколений соотносятся между собой (некоторые расхождения наблюдаются по таким позициям, как образование, работа и карьера, а также ответственность и исполнительность), т. е. имеет место преемственность поколений и базовых ценностей; во-вторых, самооценка молодежью своих ценностных ориентиров отличается от оценки населением жизненных целей молодого поколения. С одной стороны, последнее обстоятельство может свидетельствовать о существующем рассогласовании между представлениями населения в целом о жизненных ценностях и целях молодежи и об их фактической представленности в молодежной среде, с другой стороны, может иметь место рассогласование между ценностными ориентирами и поведением молодежи.

Ментальность в научно-исследовательской литературе рассматривается как одна из характеристик социальных групп насе-

ления. Ее зачастую изучают с системных позиций, учитывая базовые (значения, смыслы и ценности) и периферические составляющие (социальные установки, социальные представления, особенности взаимодействия и отношений). Довольно часто наряду с ментальностью используется и такое понятие, как «ментальное пространство».

«Ментальное пространство» рассматривается как одно из центральных понятий теории ментальных пространств (Mental Space Theory). Оно введено в научный оборот в конце XX века Ж. Фоконье и М. Тернером и представляет собой модифицируемые когнитивные конструкты, которые формируются в ходе деятельности и закрепляются в оперативной памяти⁴. В трактовке Ж. Фоконье, ментальное пространство – это область, используемая для порождения и объединения информации (Fauconnier, 1994)⁵. Дж. Лакофф (Lakoff, 1987) рассматривает ментальное пространство с позиции существующей реальности, восприятия прошлого и будущего, а также как сферу абстрактных категорий, область общих понятий⁶. В соответствии с позицией П. Певерелли (Peverelli, 2000)⁷, ментальное пространство представляет собой социально-когнитивный конструкт, включающий в себя деятелей, вовлеченных в социальное взаимодействие, разделяющих единое «когнитивное содержание» (общие взгляды, символы, общий язык, общие знания и др.). В обобщенном виде можно говорить о конфигурации значений и ценностей,

⁴ Ментальное пространство [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://scodis.com/?q=ru/mental_space

⁵ Fauconnier G. Mental Spaces. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – 190 p.

⁶ Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things : What Categories Reveal about the Mind. – Chicago ; L. : University of Chicago, 1987. – XVII. – 614 p.

⁷ Peverelli. P. J. Cognitive Space (A Social Cognitive Approach to Sino-Western Cooperation). – Delft : Eduron, 2000. – 181 p.

заклученных в определенном культурном пространстве и историческом времени. Говоря об отдельных составляющих ментального пространства, А.Н. Леонтьев, например, значения связывает с конкретными объектами, в связи с которыми у субъектов формируется определенное отношение. Ценности же рассматриваются в качестве тех оснований, в соответствии с которыми поколения организуют свою жизнь (Г.К. Триандис)⁸.

Учитывая обозначенное выше, можно говорить о том, что ментальное пространство и ментальность взаимосвязаны между собой, поскольку последнее предполагает систему устойчивых ценностей, убеждений и норм, которые определяют поведение членов общества и являются выражением исторически сложившегося образа мыслей, детерминирующего характер действий и взаимодействий индивидов. В ряде случаев ментальность и ментальное пространство рассматривают как синонимичные конструкции. Однако, с нашей точки зрения, понятие ментального пространства по своему содержанию шире ментальности и предполагает не только то, что закрепляется в сознании субъектов, но и самих носителей ментальности, а также взаимодействия, которые складываются между ними.

Одним из глубинных компонентов ментальности являются архетипы (И.Г. Дубов, А.П. Скорик, Б.С. Гершунский, И.В. Мостовая, Н.С. Южалина, Р.З. Зулъкарнаева) [11].

Они обычно выражают отдельные стороны ментальности посредством использования полярных суждений типа «единение/разобщенность», «щедрость/жадность». Анализируя обозначенные и другие характеристики в разрезе поколений, можно выявить сходства и различия, а также понять, какие параметры обладают большей устойчивостью, а какие стали трансформироваться.

⁸ Triandis G. K. Kul'tura i social'noe povedenie. – М., 2007.

Обращаясь к фактическим данным, отметим, что, судя по ответам респондентов, ключевыми национальными чертами русского народа оставались и продолжают оставаться, вне зависимости от рассматриваемого поколения, доброта, щедрость и простодушие (табл. 3). Эти параметры считаются наиболее весомыми как у молодежи, так и у старшего поколения. Вместе с тем по ряду позиций различия между крайними суждениями «стираются», и население к чертам русского народа в равной степени относит как ту, так и другую полярную характеристику.

То есть можно говорить о некоторых трансформациях ментального пространства как у старшего поколения, так и у молодежи, когда наряду с традиционными появляются новые черты, становясь принципиально значимыми для населения. Среди наиболее ярких примеров можно отметить такие характеристики, как «стремление к переменам/консерватизм», «единение/разобщенность», «коллективизм/индивидуализм», «простодушье/хитрость», «щедрость/жадность». Их появление обусловлено рыночными преобразованиями, возникновением частной собственности, а также необходимостью перехода к инновационной экономике. Примечательно, что старшее поколение, по сравнению с молодежью, более ярко осознает и выделяет как традиционные (доброту – 52 против 29%, щедрость – 48 против 44%, простодушье – 45 против 39%), так и новые ментальные черты (стремление к переменам/консерватизм – 56 против 51%, коллективизм/индивидуализм – 46 против 41%).

Подтверждают происходящие в ментальном пространстве населения трансформации и данные общероссийских социологических опросов. Так, в соответствии с результатами исследования Всероссийского центра изучения обще-

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Какая из двух «полярных» характеристик, на Ваш взгляд, в большей мере отражает национальные черты русского народа?», %

Вариант ответа	Возраст, лет			Среднее
	18–29	30–54 (59)	55 (60) и старше	
Рассудительность – Эмоциональность				
Рассудительность	20,5	20,2	27,5	22,4
Обе черты в равной степени	37,5	41,8	43,3	41,4
Эмоциональность	42,0	38,0	29,2	36,2
Коллективизм – Индивидуализм				
Коллективизм	34,7	37,1	39,3	37,3
Обе черты в равной степени	41,0	44,5	45,7	44,1
Индивидуализм	24,3	18,4	15,0	18,6
Трудолюбие – Лень				
Трудолюбие	34,8	33,5	39,3	35,5
Обе черты в равной степени	40,6	44,1	42,2	42,8
Лень	24,6	22,4	18,5	21,7
Доверчивость – Осторожность				
Доверчивость	37,1	44,6	44,6	43,0
Обе черты в равной степени	44,9	38,9	40,9	40,8
Осторожность	18,0	16,4	14,5	16,2
Свободолюбие – Потребность в руководстве сверху				
Свободолюбие	37,7	34,7	35,0	35,4
Обе черты в равной степени	42,7	44,7	42,7	43,7
Потребность в руководстве сверху	19,7	20,6	22,3	20,9
Простодушие – Хитрость				
Простодушие	39,0	43,1	45,4	43,0
Обе черты в равной степени	41,6	42,5	44,4	42,9
Хитрость	19,4	14,4	10,1	14,2
Стремление к переменам – Консерватизм				
Стремление к переменам	24,8	23,8	23,3	23,9
Обе черты в равной степени	50,7	51,8	54,5	52,4
Консерватизм	24,5	24,4	22,3	23,8
Щедрость – Жадность				
Щедрость	43,7	45,2	48,0	45,7
Обе черты в равной степени	39,6	38,7	40,5	39,5
Жадность	16,7	16,1	11,4	14,8
Доброта – Злость				
Доброта	49,3	50,1	52,4	50,6
Обе черты в равной степени	39,3	39,1	39,6	39,3
Злость	11,4	10,8	8,0	10,1
Единение – Разобщенность				
Единение	35,6	36,9	38,7	37,2
Обе черты в равной степени	48,2	46,0	47,6	46,9
Разобщенность	16,2	17,1	13,7	15,9

ственного мнения (ВЦИОМа) в 2014 году⁹, примерно три четверти опрошенных одной из ключевых характеристик молодого поколения считают ориентацию на материальные ценности, примерно поло-

вина отмечают такие качества, как расточительность и лень. Сами молодые люди считают, что их поколению, вероятно, свойствен эгоизм (44%), однако другие полагают, что молодежь способна на помощь (48%) [16].

⁹ Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 21–22 июня 2014 года. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.

Несмотря на происходящие изменения в ментальном пространстве, часть характеристик остаются неизменными. Среди ключевых черт, отражающих сущ-

ность русского человека, выраженных в пословицах и поговорках, молодежь в первую очередь обращает внимание на архетип судьбы «что ни делается – все к лучшему», однако рядом с этим высказыванием находятся такие, как «терпение и труд – все перетрут», «на бога надейся, а сам не плошай» (табл. 4). Последние варианты ответа выбрали около половины опрошенных, и по ним видны противоречия, существующие в сознании молодого поколения. С одной стороны, важное место отводится личной активности, которая так важна в рыночной экономике, с другой стороны, для значительной части молодежи в качестве ориентира остается архетип судьбы, своего рода «русский авось». «Русский сегодня, – пишет З.В. Сикевич, – живет одновременно в нескольких «ментальных» измерениях,

в его сознании уживаются полузабытые традиции, и идеологическая заданность советской эпохи, и либеральные веяния последнего десятилетия, невольно вбираемые самим фактом жизни в современной России» [19, с. 196].

У старшего поколения таких противоречий практически не наблюдается. Важная роль в их жизни отводится труду и, в частности, профессиональному становлению, что и нашло отражение в «народной мудрости»: «терпение и труд – все перетрут», «на бога надейся, а сам не плошай», «дело мастера боится». А уже затем идут такие аспекты, как «что ни делается – все к лучшему», «чему быть, того не миновать». Следует особо подчеркнуть тот факт, что среди старшего поколения, по сравнению с молодежью, на 10% больше тех, кто отдает приоритет трудовым ценностям.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Какие черты, заключенные в пословицах и поговорках, по Вашему мнению, наиболее верно отражают сущность русского человека?»*, %

Вариант ответа	Возраст, лет						
	18–29	Ранг	30–54 (59)	Ранг	55 (60) и старше	Ранг	Среднее
Что ни делается – все к лучшему	55,8	1	55,3	1	53,2	4	54,8
Терпение и труд – все перетрут	54,7	2	52,2	3	64,1	1	56,3
На бога надейся, а сам не плошай	49,8	3	53,4	2	61,2	2	55,0
Копейка рубль бережет	48,8	4	47,6	5	48,7	5	48,2
Чему быть, того не миновать	47,1	5	46,9	6	45,9	6	46,6
Дело мастера боится	45,4	6	50,6	4	58,5	3	51,9
Меньше знаешь, крепче спишь	38,1	7	42,7	7	42,1	7	41,6
Работа не волк – в лес не убежит	35,9	8	37,1	8	32,8	11	35,5
Знание приобретешь — не пропадешь	34,8	9	30,1	11	34,3	9	32,3
Дружба дружбой, а денежки врозь	34,2	10	35,4	10	33,2	10	34,5
С миру по нитке – голому рубаха	33,7	11	36,1	9	38,4	8	36,3
Умение всегда найдет применение	29,0	12	27,4	12	30,8	12	28,8
Не пойман – не вор, а что взято, то свято	26,1	13	24,3	14	17,1	17	22,5
И медведя плясать учат	24,9	14	24,9	13	27,1	13	25,6
Человек, овладевший знаниями, видит свой путь	22,5	15	18,6	17	20,0	15	19,9
Где б ни жить, только б сыту быть	19,5	16	18,1	19	16,3	18	17,8
Держись за авось, пока не сорвалось	19,5	17	18,2	18	12,7	22	16,8
Курица по зернышку клюет, да сыта живет	19,1	18	19,6	16	17,8	16	19,0
Кто не способен гореть, того не зажечь	17,3	19	15,2	21	14,8	19	15,5
Живи, не тужи, проживешь – авось еще наживешь	16,4	20	17,1	20	14,7	20	16,2
Всему учен, только не изловчен	15,3	21	14,2	22	13,2	21	14,2
От трудов праведных не наживешь палат каменных	15,0	22	21,4	15	20,3	14	19,7
Пушинка к пушинке – выйдет перинка	11,6	23	10,3	23	12,3	23	11,2
Хоть на час – да вскачь	9,0	24	8,9	24	6,3	24	8,2

* Ранжировано по значениям параметра в возрастной группе 18–29 лет.

В связи с этим можно констатировать, что в современной экономике наблюдается девальвация трудовых ценностей. Это выражается в том, что противоречивые институциональные преобразования в ряде случаев создают неблагоприятную среду для мотивации и развития трудовых ценностей – углубление социального расслоения и невысокий уровень заработной платы превращают труд в средство выживания [22].

Вместе с тем, полученные результаты не отражают целостного видения ментальности русского населения. Представляется интересным, каким образом рассмотренные характеристики сочетаются друг с другом и находят отражение в ценностном поле индивида. По нашему мнению, формирование ценностного портрета русского человека позволит выявить группы людей, наименее подготовленных к модернизации в условиях рыночной экономики. Нахождение взаимосвязи между отдельными национальными чертами и получение укрупненных категорий возможно посредством факторного и кластерного анализа. Для этого нами был использован вопрос «Как Вы считаете, присущи ли русскому народу следующие особенности отношения к жизни?», предпо-

лагающий оценку 10 утверждений, характеризующих различные особенности отношения к жизни, по 5-балльной шкале (где 1 – не присущи, а 5 – наиболее присущи).

Результаты факторного анализа показали, что обозначенные переменные образуют 4 фактора, которые в сумме объясняют 67% генеральной совокупности. Распределение факторных нагрузок, представленных в *таблице 5*, позволило интерпретировать смысловое содержание факторов в соответствии с теснотой полученных связей как «стремление жить идеалами, чувствами», «эгоизм», «правовой нигилизм» и «инертность».

Разделение факторных значений на процентиля дает возможность выяснить, какие выявленные ментальные характеристики наиболее ярко выражены в современном обществе. Для этого мы выделили 3 группы процентилей, условно обозначающие степень проявления фактора: «низкую», «среднюю» и «высокую». Остановим свое внимание на респондентах с высоким уровнем.

Так, среди молодежи наиболее сильно проявляется правовой нигилизм (37%; *рис. 1*). Отрицание права как социального института свойственно и людям среднего возраста, хотя на первое место у них вы-

Таблица 5. Повернутая матрица компонентов*

Переменная	Фактор			
	«Стремление жить идеалами, чувствами»	«Эгоизм»	«Правовой нигилизм»	«Инертность»
Жить верой в добро	0,788			
Стремление жить по правде	0,717			
Привычка «жить чувствами», жизнь по душе и настроению	0,697			
Жалость к обделенным людям	0,680			
Личное выше общественного («своя рубашка ближе», «моя хата с краю»)		0,759		
Общественное превыше личного		-0,850		
Нелюбовь к дисциплине и методичности, к формализму			0,829	
Жить по принципу «не украдешь – не проживешь», привычка к взяточничеству, любовь к «халяве»			0,631	
Безропотное подчинение закону, правилам общества				0,910
Жить по принципу «не высывайся» («тебе что, больше всех надо?»)				0,525

*Метод выделения факторов: метод главных компонент. Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера.

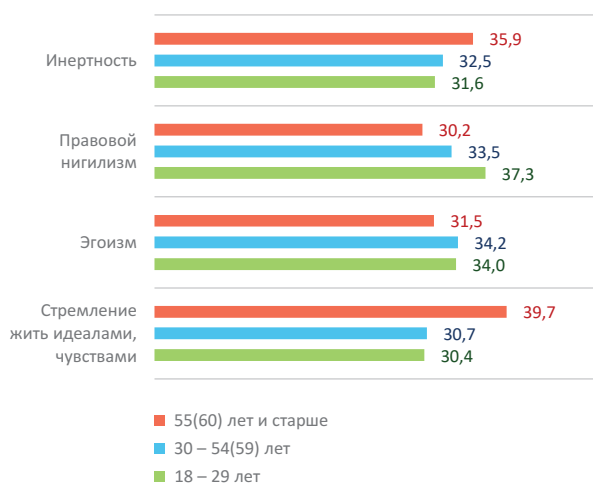

Рис. 1. Высокий уровень проявления факторов в разрезе по возрасту, %

ходит эгоизм. Для представителей старшего поколения, в основном, характерно стремление жить идеалами и чувствами, а также проявление инертности (40 и 36% соответственно), хотя именно эти черты получили наименьшее распространение среди молодежи и «зрелого» населения. Все это позволяет сделать вывод о наличии определенного «водораздела» во взглядах на жизнь между пожилыми и более молодыми людьми.

Каким же образом выделенные черты сочетаются в ментальном пространстве населения? Для ответа на этот вопрос разобьем выборочную совокупность на однородные группы в зависимости от степени проявления той или иной характеристики посредством кластерного анализа. На первом этапе был применен иерархический кластерный анализ, который позволил определить искомое количество кластеров. В нашем случае результат с 3 кластерами является оптимальным¹⁰. На втором этапе был

¹⁰ Число кластеров определялось путем нахождения разности между общим количеством наблюдений и количеством шагов в ходе агломерации, после чего квадрат евклидова расстояния увеличивается скачкообразно. Процесс объединения в новые кластеры остановился на 2951 шаге (общее количество наблюдений 2954), где значения коэффициента увеличились с 15,6 до 19,9.

применен кластерный анализ методом k-средних, по итогам которого было образовано необходимое количество кластеров (табл. 6). Важно понимать, что если интерпретация результатов факторного анализа явилась достаточно тривиальным процессом в силу интуитивно понятной группировки компонентов, то в случае кластерного анализа она не только носит условный характер, но и требует дополнительного пояснения.

Таблица 6. Конечные центры кластеров

Фактор	Кластер		
	«Анархо-индивидуалисты»	«Ограниченные альтруисты»	«Разумные эгоисты»
«Стремление жить идеалами, чувствами»	-0,732	0,001	0,857
«Эгоизм»	0,616	-0,720	0,608
«Правовой нигилизм»	0,394	0,185	-0,806
«Инертность»	-0,430	0,272	0,001

Первый кластер мы обозначили как «анархо-индивидуалисты» в связи с доминированием у их представителей прагматизма над идеализмом и личного над общественным (нагрузка факторов «стремление жить идеалами, чувствами» и «эгоизм» -0,732 и 0,616 соответственно), что в полной мере отражает важность суверенитета индивида, его интересов. Кроме того, умеренное пренебрежение законом и правилами общества, а также достаточно выраженная активность (нагрузка факторов «правовой нигилизм» и «инертность» 0,394 и -0,430 соответственно) свидетельствуют об отсутствии радикальных идей по изменению существующих «правил игры». Их доля в общей численности населения составила 29%.

Второй кластер мы обозначили как «ограниченные альтруисты», поскольку для его представителей характерны неприятие ценностей индивидуализма (нагрузка фактора «эгоизм» -0,720) и от-

сутствие стремления жить идеалами, чувствами (нагрузка фактора 0,001). В то же время правовой нигилизм и инертность не являются ярко представленными. По нашему мнению, «ограниченные альтруисты», являясь наиболее многочисленной частью общества (46%), во многом отражают основные черты современного русского менталитета. С одной стороны, им свойствен «дух коллективизма», символизирующий консерватизм и приоритет общественного над личным, а с другой – пассивность в достижении общего блага, которая, возможно, преодолевается либо в случаях достижения определенного достатка, либо при непосредственном «запросе» со стороны общества [1].

Третий кластер мы обозначили как «разумные эгоисты». Он включает в себя людей, для которых характерны как идеалистические, так и эгоистичные начала (нагрузка факторов «стремление жить идеалами, чувствами» и «эгоизм» 0,857 и 0,608 соответственно). Это позволяет сделать вывод о том, что «разумные эгоисты» привыкли совмещать личные и общественные интересы, руководствуясь в своем поведении первыми, тем самым отдаленно напоминая смитовского «экономического человека». Причем действуют они в рамках существующего правового поля, придерживаясь методичности и формализма и надеясь в своей жизни, прежде всего, на собственные силы (нагрузка фактора «правовой нигилизм» -0,806). Удельный вес данной категории населения составляет 25%.

В разрезе возрастных групп иерархия распределения населения по выделенным кластерам не претерпевает серьезных изменений (табл. 7). Так, «ограниченные альтруисты» составляют основную часть как молодежи (45%), так и более возрастных категорий граждан. Интересно, что наибольшее представительство наблюдается среди лиц старшего поколе-

ния (51%), что превосходит результат, отмеченный в других группах, в среднем на 6–7 п. п. Иными словами, разница между людьми 18–29 и 30–54 (55) лет несущественна. Похожим образом обстоят дела и с другими кластерами. Если в первых двух возрастных группах доля «анархо-индивидуалистов» составляет около 32%, то в третьей – лишь 23%. Причиной тому, по всей видимости, служат не различия в ментальных основаниях между поколениями, а изменения в отношении к жизни, происходящие с возрастом. В свою очередь, удельный вес «разумных эгоистов» достаточно постоянен и варьируется от 23% среди молодежи до 26% среди пожилых граждан.

Таблица 7. Представленность кластеров в межпоколенческом разрезе

Кластер	Возраст, лет			Среднее
	18–29	30–54 (59)	55 (60) и старше	
«Ограниченный альтруист»	44,8	43,6	50,6	46,0
«Анархо-индивидуалист»	32,8	31,4	23,1	29,2
«Разумный эгоист»	22,5	25,0	26,3	24,8

В то же время, как говорилось ранее, модернизация общества не может проходить обособленно. Сложившийся менталитет может выступать как проводником, так и преградой для данного процесса. Так, представители разных кластеров, отвечая напрямую на вопрос о том, какая из двух «полярных» характеристик, стремление к переменам или консерватизм, в большей мере отражает национальные черты русского народа, показали интересные результаты. С одной стороны, стремление к переменам отметили примерно четверть респондентов (24%) вне зависимости от принадлежности к тому или иному кластеру, а с другой – «анархо-индивидуалисты» продемонстрировали значительно больший консерватизм (29 против 21% в других группах).

Противоречивость второго факта может быть обусловлена тем, что представители указанного кластера при ответе на вопрос подсознательно не распространяют данное суждение на себя. Это подтверждают данные, свидетельствующие о том, что среди «анархо-индивидуалистов» меньше всего людей, которым присущи черты русского национального характера (62 против 74% у «ограниченных альтруистов» и 80% у «разумных эгоистов»). Впрочем, данный феномен требует отдельного изучения.

Готовность к модернизации можно выявить и косвенным образом, условно разделив представленные в таблице 3 пословицы и поговорки на «способствующие модернизации» и «препятствующие модернизации» в соответствии с их смысловым содержанием. В свою очередь, первая группа включает в себя такие группы характеристик, как «активность, трудолюбие, расчет на себя», «рачительность, усердие, разумная бережливость», «инновационная активность, знания» и «рыночное поведение» (рис. 2).

Нахождение среднего арифметического из ответов респондентов по каждому из направлений позволило выделить категории населения, черты которых могут быть особенно полезны для модернизации общества в сложившихся условиях жизнедеятельности. Как видно из рисунка 3, признаки высокой трудовой и,

Рис. 3. Степень выраженности различных групп «способствующих модернизации» характеристик населения, в разрезе выделенных кластеров, %

в частности, инновационной активности отмечаются, прежде всего, у «разумных эгоистов» (64 и 34% соответственно). «Ограниченные альтруисты» демонстрируют несколько худший результат, хотя разница не столь существенна. В то же время им сильнее всего свойственна рачительность (28%). «Анархо-индивидуалисты» практически по всем позициям занимают последние места. Исключение составляют черты рыночного поведения, которые в большей степени характерны именно им (25 против 19% у «разумных эгоистов»). Все это позволяет судить о наличии у представителей каждого из кластеров определенной predisposition к различным аспектам модернизации.

Рис. 2. «Способствующие модернизации» черты, заключенные в пословицах и поговорках

Источник: Составлено авторским коллективом ИСЭРТ РАН.

Таким образом, проведенный анализ показал, что, несмотря на бурные социально-экономические изменения в стране, традиционные черты русской ментальности сохраняются на межпоколенческом уровне. Прежде всего, это ориентация на построение счастливой и дружной семьи, а также забота о здоровье. Неизменными остаются и такие национальные характеристики, как доброта, щедрость и простодушие, которые формируют особое «русское» отношение к жизни: ««вера в добро», «стремление жить по правде», «жизнь по душе, по настроению», «жалость к обделенным людям». В то же время наблюдается трансформация ментального пространства населения, где основную роль играет молодежь. Под влиянием рыночных преобразований в молодежной среде происходит заметная девальвация трудовых ценностей, которые занимают одно из центральных мест в жизни старшего поколения. Кроме того, общественные интересы активно замещаются личными, в результате чего индивидуализм постепенно становится неотъемлемой чертой молодого поколения. В итоге противоречивость нового и старого приводит к тому, что современ-

ная молодежь существует в нескольких измерениях, совмещая в себе ментальность разных эпох.

При этом наибольшая часть общества сохраняет в себе «дух коллективизма», тем самым свидетельствуя о главенстве общественного над личным и консерватизме. Для остального населения в большей степени характерен эгоизм, проявляющийся в двух формах. Одни ориентируются на прагматичное достижение собственных целей, одновременно с этим не исключая возможности нарушить формальные и неформальные социальные нормы, другие же стремятся посредством удовлетворения своих потребностей жить идеалами и чувствами, действуя в рамках существующего правового поля. Наряду с этим готовность к модернизации у каждой из выделенных групп является неодинаковой. В связи с этим в целях активизации модернизации регионального сообщества необходимо углубленное изучение существующих ментальных барьеров населения [2, с. 33; 3, с. 58; 15, с. 46], препятствующих развитию характеристик, способствующих формированию в общественном сознании готовности к модернизационным процессам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмедова, С. К. Эгоизм и альтруизм [Электронный ресурс] / С. К. Ахмедова // Молодежный научно-технический вестник. – 2012. – № 9. – Режим доступа : <http://sntbul.bmstu.ru/doc/478807.html>
2. Волков, В. Н. Архаика русской культуры и модернизация российского общества [Текст] / В. Н. Волков // Вестник Марийского государственного университета. – 2013. – № 11. – С. 30–33.
3. Головашина, О. В. Модернизация – незавершенный проект или традиционная ментальность в современной России [Текст] / О. В. Головашина // INETERNUM. – 2011. – № 2. – С. 56–62.
4. Гулин, К. А. К вопросу о социально-экономической модернизации российских регионов [Текст] / К. А. Гулин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 4 (22). – С. 42–58.
5. Думнова, Э. М. Динамика ментального пространства российской молодежи в условиях транзитивного общества (социально-философский анализ) [Электронный ресурс] / Э. М. Думнова. – Режим доступа : <http://www.avtoref.mgou.ru/new/d212.155.08/Dumnova/avtoref.pdf>
6. Думнова, Э. М. Историческая обусловленность трансформации менталитета в России [Текст] / Э. М. Думнова // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 379. – С. 55–60.

7. Лиферов, А. П. Новая российская ментальность как инновационный ресурс модернизации образования [Текст] / А. П. Лиферов, О. Е. Воронова // Педагогика. – 2007. – № 2. – С. 12–22.
8. О молодежи: возрастные границы, ценности, особенности. Как россияне относятся к нынешней молодежи, что о ней думают? [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://fom.ru/TSennosti/11748>
9. Панарин, А. С. Процессы модернизации и менталитет: Из материалов Круглого стола «Российская ментальность» [Текст] / А. С. Панарин // Вопросы философии. – 1994. – № 1. – С. 34–36.
10. Петренко, В. Ф. Психосемантический анализ политического менталитета общества [Текст] / В. Ф. Петренко, О. В. Митина // Вестник СПбГУ. – 2015. – Сер. 16. – Вып. 3. – С. 27–40.
11. Пищик, В. И. Архетипы – базовый компонент ментальности поколений [Электронный ресурс] / В. И. Пищик. – Режим доступа : http://sociosphera.com/publication/conference/2013/172/arhetipu_bazovyjkomponent_mentalnosti_pokolenij
12. Пищик, В. И. Динамика смысловых составляющих ментальности поколений [Текст] / В. И. Пищик, Н. В. Сиврикова // Российский психологический журнал. – 2014. – Т. 4. – № 3. – С. 73–82.
13. Пищик, В. И. Тенденции трансформации ментальности поколений [Текст] / В. И. Пищик. – Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007. – 288 с.
14. Пищик, В. И. Ценностно-смысловые ориентации в структуре ментальности поколений [Электронный ресурс] / В. И. Пищик, Н. В. Сиврикова. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/tsennostno-smyslovyje-orientatsii-v-strukture-n-v-sivrikova-mentalnosti-pokoleniy.pdf>
15. Ракитов, А. И. Смена ментальности [Текст] / А. И. Ракитов // Свободная мысль. – 2012. – № 1–2. – С. 40–56.
16. Российская молодежь: какой она представляется самой себе – и какой ее видит старшее поколение [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114879>
17. Рудакова, О. В. Менталитет современного студенчества как система ценностных установок: исторический аспект [Электронный ресурс] / О. В. Рудакова. – Режим доступа : http://xn--80aa3akelis.xn--c1avg/assets/rudakova_mentalitet_sovremennogo_studenchestva.pdf
18. Сиврикова, Н. В. Проблемы изучения поколений в психологии [Текст] / Н. В. Сиврикова // Культурноисторическая психология. – 2015. – Т. 11. – № 2. – С. 100–107.
19. Сикевич, З. В. Национальное самосознание русских: социологический очерк [Текст] / З. В. Сикевич. – М., 1996. – 204 с.
20. Сулакшин, С. С. Система ценностей российской молодежи: экспертная оценка [Электронный ресурс] / С. С. Сулакшин, Н. А. Хвыля-Олинтер. – Режим доступа : <http://rusrand.ru/docconf/sistema-cennostey-rossiyskoj-molodeji-ekspertnaya-ocenka>
21. Теория поколений в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rugenerations.su>
22. Хлопова, Т. В. Трудовые ценности молодежи [Текст] / Т. В. Хлопова, Ж. Г. Озерникова // Народонаселение. – 2002. – № 4. – С. 66–73.
23. Чупров, В. И. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства [Текст] / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, Н. А. Романович. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2014. – 352 с.
24. Guiso, L. Long-Term Persistence [Electronic resource] / L. Guiso, P. Sapienza, L. Zangales. – Available at : <http://www.kellogg.northwestern.edu/faculty/sapienza/htm/putnam.pdf>
25. Kochanowicz, J. Backwardness And Modernization: Poland And Eastern Europe in the 16thA–20th Centuries (Variorum Collected Studies Series) [Text] / J. Kochanowicz. – Aldershot : Ashgate Variorum, 2006. – 340 p.
26. Nunn, N. The Slave Trade and the Origins of Mistrust in Africa [Electronic resource] / N. Nunn, L. Wantchekon. – Available at : <https://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/11986331/nunn-slave-trade.pdf>
27. Uskul, A. K. Ecocultural basis of cognition: Farmers and fisherman are more holistic than herders [Text] / A. K. Uskul, S. Kitayama, R. E. Nisbett // Proceedings of the National Academy of the United States of America. – 2008. – М. 105. – P. 8552–8556.
28. Uskul, A. K. Culture, mind, and the brain: current evidence and future direction [Текст] / A. K. Uskul, S. Kitayama // Annual Review of Psychology. – 2011. – № 62. – P. 419–449.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Устинова Ксения Александровна – кандидат экономических наук, научный сотрудник. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук. Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: ustinoва-kseniya@yandex.ru. Тел.: (8172) 59-78-10.

Попов Андрей Васильевич – младший научный сотрудник. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук. Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: ai.popov@yahoo.com. Тел.: (8172) 59-78-10.

Ustinova K.A., Popov A.V.

THE MENTALITY OF THE RUSSIAN POPULATION IN THE CONTEXT OF REGIONAL COMMUNITY MODERNIZATION

The article emphasizes the issues of studying the Russian mentality, its transformation in terms of socio-economic transformations. The choice of the research area stems from the fact that it is necessary to intensify modernization processes in the regional community with an important role of socio-cultural factors, in particular, the population's mentality. The driving force of population's modernization is a human, namely, individual groups of people prone to change and having characteristics contributing to the promotion of new ideas. In this regard, the purpose of the present paper is to study the Russian mentality and its relations with the modernization of the regional community. Special attention is paid to identifying intergenerational differences resulting from the transformations of mental structures, the "core" of which are values. The informational base of the research includes data of sociological survey conducted in 2016 by Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS in the Northwestern Federal district. Analysis has showed that traditional features of the Russian mentality (focus on making a happy and friendly family, health care, kindness, generosity, simplicity, etc.) are preserved at the intergenerational level. The transformation processes of the mental space have had a major impact on the younger generation. Devaluation of labor values is observed among the youth, public interests are replaced with personal ones, which is expressed in contradictory views. In order to form the axiological image of a Russian person, the authors applied mathematical tools such as factor and cluster analysis. The first stage revealed four factors ("willingness to live on ideals, feelings", "selfishness", "legal nihilism", "inertness") reflecting the value grounds of the Russians' attitude to life. The second phase helped distinguish population groups ("anarchist individualists", "limited altruists", "reasonable egotists"), combining certain mental characteristics. It has been determined that each of the mentioned categories is ready for modernization change to a different extent. The authors come to a conclusion about the necessity of further in-depth study of mental barriers hampering the processes of regional community modernization.

Mentality, Russian population, modernization, values, archetypes, mental barriers, regional community.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ustinova Kseniya Aleksandrovna – Ph.D. in Economics, Research Associate. Federal State Budgetary Scientific Institution Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

Popov Andrei Vasil'evich – Junior Research Associate. Federal State Budgetary Scientific Institution Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: ai.popov@yahoo.com. Phone: +7(8172) 59-78-10.